
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

А.Г. Коваленко

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В культурном поле многонациональной советской литературы книги Айтматова стали достоянием не только национальной киргизской литературы, но и всей литературы. В литературном процессе 1960—1980-х гг. произведения Айтматова обнаруживают черты, органически присущие многим другим писателям этой эпохи, — в поэтике, конфликте, архитектонике и стиле. В текстах романов обнаруживаются интертекстуальные переключки с произведениями Е. Замятина, М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, Ю. Трифонова. Творческая эволюция Айтматова — это движение к масштабности воплощения гуманистической идеи человека и вселенной. В центре внимания ранних повестей — любовь, яркое и светлое всепобеждающее чувство. В зрелых романах — озабоченность настоящим и будущим человечества, изображение зависимости будущего от самого человека. Чем дальше, тем более расширяется масштаб — глубинное, психологическое, и масштабное, вселенское находятся друг с другом в тесной связи.

Ключевые слова: многонациональная советская литература, сюжет, композиция, миф, притча, герой.

В 1991 году прекратил свое существование уникальный феномен под названием — «многонациональная советская литература». Поле, создававшееся на протяжении нескольких десятилетий, раздробилось. Распад государства повлек за собой тенденцию эрозии единого культурного пространства. Сегодня, оглядывая прошлое, можно без преувеличения сказать, что Чингиз Айтматов был самым известным писателем многонационального литературного пространства советского государства. Он стал символом многонациональности литературы, ее многоязычия и одновременно — единства.

Произведения Айтматова — плоть от плоти этой литературы. И не только потому, что книги писатели писались на русском языке, хотя и это обстоятельство имеет немаловажное значение. Билингвизм творчества Айтматова — особая сфера исследования, которая уже имеет своих исследователей [1]. Повести и романы Айтматова органично вписались в процесс нравственных и жанрово-стилевых поисков 1960—1980-х гг. Первые повести — «Джамиля», «Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары» — появились в период расцвета в советской литературе лирической и лирико-философской прозы 1960-х гг. Интонационно и стилистически, несмотря на то, что написаны на сугубо национальном материале, они переключаются с произведениями В. Белова, Ю. Нагибина, В. Солоухина, Ю. Казакова. В 1970-е гг. был написан «Белый пароход», во многом созвучный своим драматизмом и темой детского восприятия мира прозе В. Астафьева, особенно его повести «Последний поклон».

В 1980 году опубликован роман «И дольше века длится день». Тогда немногие из читателей романа догадывались, что названием романа является строчка из стихотворения Бориса Пастернака, упоминание которого в те годы по известным причинам не слишком приветствовалось. Ведь именно в те годы — конец 1970-х — начало 1980-х — не опубликованный еще на родине роман «Доктор Живаго» ходил по рукам в многочисленных самиздатских копиях. Поэта не было тогда ни в школьных,

ни в университетских учебных программах. И в это время строка ушедшего из жизни, но еще опального поэта становится заголовком романа. На то нужна была определенная смелость.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.
И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Айтматов не только осмелился вслух — на всю литературу — процитировать полужаппетного поэта. Он дал строчке Пастернака вторую жизнь. Если открыть словарь крылатых слов и выражений, то мы прочтем там, что «выражение стало популярным после выхода в свет романа советского киргизского писателя Чингиза Айтматова» [2].

Если у Пастернака речь идет о любви, переполняющей лирического героя, то Айтматов, которому так понравилась строка, наполнил ее эпическим смыслом. Для айтматовского Едигея Буранного, главного героя романа, прожитый день равновелик вечности. Он вместил в себя все события личной жизни персонажа и исторической судьбы народа. Именно таким был замысел. И воплощение этого замысла связало воедино в романе темы личной и исторической памяти.

Другой аргумент в пользу названия связан с сюжетно-композиционным принципом, лежащим в основании романа. Принцип временного «стяжения» дает возможность вместить в текст очень многое, сюжет повествования вмещается в один день, фабульное пространство позволяет раздвинуть события одного дня до пределов исторического масштаба как в одну сторону, в прошлое, так в пространство будущего. Такой принцип «стяжения» времени во имя более глубокого историзма свойствен произведениям многих писателей — А. Солженицына («В круге первом»), Ю. Трифонова («Старик»), В. Распутина («Последний срок», «Пожар»).

Немаловажно отметить, что другое название романа — «Буранный полустанок», — появившееся позже в книжном издании, несет в себе аналогичный семиотический смысл, указывающий на антиномическую метафизичность: «буранный» — значит вписанный в эпохальные, судьбоносные события, притом что «полустанок» — почти незаметная точка на географической карте. И если первое название указывает на временную антиномию — день-вечность, то во втором внимание акцентируется на пространственном аспекте — локальное-бесконечное.

И еще одно наблюдение позволяет говорить о (пусть и отдаленных) переключках с Пастернаком. Известный литературовед Б.М. Гаспаров показал, что важнейшим сюжетообразующим и «жанроформирующим» мотивом в романе «Доктор Живаго» является железная дорога [3]. Благодаря ему текст романа приобретает полифонию и лирико-эпическое звучание. Нетрудно видеть, что и у Айтматова в романе железная дорога становится своего рода эпическим «камертоном» сюжета, на который настроено повествование. Железная дорога в семиотическом пространстве романа — знак «горизонтальной», «земной» шкалы координат, в противовес «вертикальной» оси, уходящей одной стороной в космос, другой — в глубь земли, где лежит прах ушедших предков.

Обратим внимание на то, что в романе главному герою много лет, он старец, мудрый старец. И этот факт возраста героя также примечателен. Именно в 1970-е гг. критика обратила внимание на приход в литературу нового типа героя — героя, прожившего жизнь. Знаменитые «распутинские старухи» стали явлением в литературе. Стал заметным явлением в литературе роман Ю. Трифонова «Старик». В повестях В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Последний срок», в повести В. Астафьева «Последний поклон» старые и по-народному мудрые женщины воплотили авторскую мысль о памяти поколений, о растроченных этических ценностях, о тревоге за судьбы потомков. Рядом с ними заняли свое законное место Едигей и его друг Казангап. По-своему Айтматов сокрушается о забвении прошлого — и не только далекого, но и совсем недавнего. Нельзя забывать не только исторические национальные корни, говорит Айтматов, но и безрадостные страницы, связанные с репрессиями 1930-х гг. Забвение прошлого, каким бы оно ни было, чревато новыми бедами.

Любопытно заметить, что тема ликвидации памяти, которую в романе предпринимают жуаньжуаны с целью поработить плененный народ, имеет свою аналогию в творчестве Евгения Замятина. В романе «Мы», написанном еще в 1920 г., писатель изобразил именно такую операцию. Замятинская лоботомия способствовала созданию населения, целиком послушного воле диктатора.

Вспомнив Замятина, обнаружим еще одну общую тему. Антиутопический аспект романа «Буранный полустанок», связанный с планетой Лесная грудь и бегством на нее космонавтов с орбитальной станции, указывает на связь с художественным пространством замятинского романа. Единое государство романа Замятина с его «цифровой» механистической регламентацией жизни отгорожено от естественного мира Мефи непроходимой Зеленой стеной. Герметичная замкнутость гарантирует беспмятство, а выход за его пределы смертельно опасен. Именно такую герметичность и преследуют в романе «Буранный полустанок», по мысли Айтматова, те, кому невыгоден и опасен выход в пространство свободы и разума. Моральный аспект антиутопии Айтматова, как и у Замятина, очевиден: чтобы миром управлять, власть имущие мира должны будут не только лишить людей памяти, но и удержать общество в герметичном замкнутом социальном пространстве.

Авторитет писателя позволил ему смело говорить в конце 1970 — начале 1980-х гг. о том, о чем не было принято говорить вслух, особенно в литературе. И этому во многом помогла притча. Айтматов привнес в художественную литературу притчу, иносказание, в которое оформилась народная мудрость. Роман стал «счастливым случаем органического прорастания древнего предания во все поры художественной ткани произведения, во все звенья его сложного механизма» [4. С. 25]. Не политическими заявлениями, но яркой образностью поддерживалось противостояние забвению исторических истин. Притча о матери Найман-ана и ее сыне манкурте стала символом такого противоборства. Понятие «манкурт» стало нарицательным.

В русской литературе ему вторил Валентин Распутин. В «Прощании с Матерой» повествование о готовящемся к затоплению острове и его обитателях стала образно-художественным выражением тревоги по поводу наступления эры прогресса. «Функционально» Матеру можно уподобить Буранному полустанку в романе Айтматова. Незаметный клочок земли в сюжетах обоих произведений аллегорически становится равновеликим масштабному пространству, всей вселенной. Образ полустанка, где поезда останавливаются очень редко, приобретает у Айтматова масштаб всеобщего узла связи между Западом и Востоком.

Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток

А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства — Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей. В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана. А поезда шли с востока на запад и с запада на восток.

Цитируя этот очень известный и во многом ключевой отрывок из романа, небезынтересно отметить, что Буранный полустанок имеет свой реальный прообраз: в непосредственной близости от поселка Байконур и космодрома находится небольшая железнодорожная станция под названием Торетам, где и служит обходчиком главный герой романа.

Уничтожение даже малого имеет своим следствием крушение большого. Образы двух писателей «рифмуются» между собой: и почтение Едигея к месту, где лежат его предки, на кладбище Ана-бейит, и забота старухи Дарьи о могилах предков на островном кладбище. Переключка аллегорий заключается и в указании на общие причины разрушения кладбищ: у Распутина кладбище уйдет под воду, когда построят гидроэлектростанцию. У Айтматова — на месте кладбища возникает космодром, с которого стартуют ракеты. Семиотическая задача знаковой системы притчеобразного сюжета в том, чтобы усилить «вертикальную ось координат», придать роману эпический вес, метафизический смысл.

Исследователи творчества Айтматова указывали на одну особенность, связанную с нарративной стратегией писателя. Роль мифа и притчи «не иллюстративная, не аллегорическая, а идейно-конструктивная» [5. С. 207]. Иными словами, миф не чужеродное тело, не изолированная вставка, он органически вписан в повествование, организуя его повествовательную структуру. Разбросанные «сюжетопотоки» в конце концов «замыкаются в единой точке, которая в айтматовской поэтике и служит вероятно, исходным пунктом катарсиса, разрядки» [6. С. 202].

С помощью мифологической притчевой аллегории Айтматов и другие писатели без оглядки на какую-либо цензуру стремились донести свою тревогу о неблагополучии современного общества. Интересно, но образ рыбы, которая в христианской символике означает идею жизни, появляется у Айтматова и у Виктора Астафьева примерно в одно время, приобретая разные оттенки. У Астафьева царь-рыба в одноименном рассказе становится орудием возмездия природы разнообразным нравственным уродам. У Айтматова рыба, которую добывает Едигей для жены, ждущей ребенка, символизирует духовное исцеление. У Айтматова притча уходит корнями в восточную мудрость, у русских писателей, авторов деревенской прозы, аллегория созвучна народным сказкам и легендам. В обоих случаях наблюдается процесс установления связей и утверждения духовной основы народной культуры и ценностей национального сознания.

Аллегория взаимосвязи мира человеческого и мира природного несет в себе сложный и амбивалентный смысл. Конечно, во вселенной Айтматова есть животные, живущие рядом с человеком и составляющие с ним одно целое. Они похожи на корову Роголю в повести Белова «Привычное дело», на собаку Бойе в романе В. Астафьева «Царь-рыба». Но обратим внимание на то, что независимо друг от друга писатели 1970-х гг. создают притчи, где животные становятся «исполнителями» масштабного этического замысла. Они наделяются функцией возмездия человеку. Притча о царь-рыбе Астафьева при всей реалистической достоверности повествования реализует авторский замысел воплотить художественную идею о грехе и наказании за грехи —

жадность, цинизм, жестокость. Герой рассказа рыбак Игнатич все же имеет возможность избежать кары, как только осознает свою греховность. Совсем другое дело у Айтматова, у которого этический конфликт Человека и Природы находит трагическое разрешение. Айтматов более бескомпромиссен, а конфликт у него обнаруживает неразрешимое по сути противоречие. Так, в притчевой конструкции — романе «Плаха» волки, в общем-то вполне беззлобные по отношению к людям, решаются на кражу ребенка. Финальный эпизод, где Бостон вместе с волчицей убивает и своего сына, содержит глубокий морально-оценочный смысл не в пользу человека как биологического вида.

Апокалиптичность — еще одна составляющая поэтики Айтматова. Мысль о нравственном возмездии — это особенность в первую очередь христианской этики. Если «Буранный полустанок» появился в канун перестройки, то роман «Плаха» был опубликован в 1986 г. в журнале «Новый мир». Острота поставленной в нем проблемы была настолько глубокой, что публикация отдельных частей романа происходила с перерывами. Читатели, уже познакомившись с первыми главами в мае 1986 г., с нетерпением ждал продолжения, а его все не было. Новые главы появились только осенью того же года. Вероятно, споры на самом вершине о необходимости публикации были отражением острой злободневности тематики произведения. В немалой мере это связано с трагедийным звучанием двух историй — истории христианского искателя истины Авдия Каллистратова и повествованием о двух волках. И в самом названии романа «Плаха» апокалипсис звучал совершенно очевидно.

Характерно, что именно в это время в журнале «Наш современник» была опубликована имевшая широкий резонанс повесть В. Распутина «Пожар». Притчеобразное повествование о всепожирающем огне перекликалось с образом плахи, который прямо указывал на масштаб возмездия и требовал всеобщего покаяния.

Небезынтересно отметить следующее. После публикации «Плахи» было много споров о романе. Одна тема здесь особенно примечательна. Много спорили о том, насколько созвучен образ Авдия творчеству Булгакова. Айтматов отвечал на такой вопрос отрицательно. Но объективно нужно констатировать, что после публикации булгаковского романа впервые в советской литературе был создан образ, заново провозглашающий христианские идеи ненасилия. Айтматов поставил вопрос о роли религии и веры в современном обществе, о необходимости пересмотра отношения к вере в новых исторических условиях. Как бы то ни было, Айтматов здесь стал продолжателем литературной традиции, мысли о христианских ценностях.

Творческая эволюция Айтматова — это движение к масштабности воплощения гуманистической идеи человека и вселенной. В центре внимания ранних повестей — любовь — яркое и светлое всепобеждающее чувство. В зрелых романах — озабоченность настоящим и будущим человечества, изображение зависимости будущего от самого человека. Чем дальше, тем более расширяется масштаб — глубинное, психологическое, и масштабное, вселенское, находятся друг с другом в тесной связи. «Метафизическая вертикаль» в системе координат айтматовского художественного мира приобретает особое значение и особый вес. Мысль о месте человека во Вселенной с особой глубиной была воплощена в последнем большом произведении писателя — романе «Тавро Кассандры». В романе-антиутопии рассказывается о том, что изобретение неких космических лучей вызывает отторжение самой природы человека на генетическом уровне. Тавро Кассандры — это знак, который проступает на лбу женщины, когда младенец во чреве отказывается родиться. В фантастическом сюжете

воплощена идея необходимости вернуться к органичности человеческого существования, его связи с природой.

Русская литература густо «населена» животными, образы которых являются знаковыми для национальных картин мира. Русский Север по-своему представляет корова Роголя из повести В. Белова «Привычное дело», север Сибири — верный пес Бойе из одноименного рассказа В. Астафьева, в средней России живет слепая собака из рассказа Ю. Казакова «Арктур гончий пес».

Не случайно то, что и в художественном мире Айтматова большое место занимают животные — конь Гульсары, верблюд Каранар, волки Акбара и Ташчайнар. И у каждого есть свое имя. Именно они олицетворяют глубинное природное таинство самой жизни с ее этическими основаниями, от которых, к сожалению писателя, все дальше отступает человек. В случае с Айтматовым важно указать на то, что мир животных имеет свой семиотический акцент. Как показал Г. Гачев, в контексте национального образа мира киргизов животный мир имеет полярные характеристики, на разных полюсах оказываются Верблюд и Рыба, символизирующие «любовь центра Евразии к Великому Тихому океану». Верблюд и Рыба, являясь «божественно-совершенными в своем роде существами» и одновременно — «символами, мифом и моделью мира», представляют собой знаки Суши и Моря. [7. С. 140]. Что касается ставших известными даже по именам айтматовских волков, то нетрудно усмотреть здесь символизацию природно-стихийного начала, независимого от человека, над человеком и определяющим, согласно Айтматову, его судьбу.

В заключение приведем слова известного исследователя творчества Айтматова Г. Гачева: «Что ж: один общий день длится больше века и веков — от Чингисхана до Чингиза-поэта. Непрекращающаяся брань между силами Добра и Зла. Выбирай сторону, человек! И вот творчество Чингиза Айтматова помогает нам, вооружает выбрать Благо: его и подвиг, и труд — и красоту и счастье» [8. С. 150].

Творчество и судьба Чингиза Айтматова неразрывно связаны с советской многонациональной литературой. И не только потому, что он активно вошел литературной процесс актуальной и созвучной времени нравственно-этической проблематикой. Еще более важным свидетельством органичности времени является его деятельность как художника в сфере жанровых, стилевых и философских поисков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва. — М., 2005.
- [2] Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Автор-составитель В. Серов. — М.: Локид-Пресс, 2003.
- [3] *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. — М.: Наука, 1994.
- [4] *Потапов Н.* Свет человечности // Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. — М., 1982.
- [5] *Воронов В.* Чингиз Айтматов. Очерк творчества. — М., 1976.
- [6] *Левченко В.* Чингиз Айтматов. Проблема поэтики, жанра, стиля. — М., 1983.
- [7] *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. — М.: Прогресс, 1995.
- [8] *Гачев Г.* Чингиз Айтматов в свете мировой культуры. — Фрунзе: Адабият, 1989.

LITERATURA

- [1] *Bahtikireeva U.M.* Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelja-bilingva. — М., 2005.

- [2] Jenciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij. Avtor-sostavitel' V. Serov. — M.: Lokid-Press, 2003.
- [3] *Gasparov B.M.* Literaturnye lejtmotivy: Oчерki po ruskoj literature HH veka. — M.: Nauka, 1994.
- [4] *Potapov N.* Svet chelovechnosti // Aйтmatov Ch.T. Sobraie sochinenij v 3 t. T. 1. — M., 1982.
- [5] *Voronov V.* Chingiz Aйтmatov. Oчерk tvorcestva. — M., 1976.
- [6] *Levchenko V.* Chingiz Aйтmatov. Problema pojetiki, zhanra, stilja. — M., 1983.
- [7] *Gachev G.* Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. — M.: Progress, 1995.
- [8] *Gachev G.* Chingiz Aйтmatov v svete mirovoj kul'tury. — Frunze: Adabijat, 1989.

CHINGIZ AITMATOV AND RUSSIAN LITERATURE OF THE XX CENTURY

A.G. Kovalenko

Department of World and Russian Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article reveals the poetics of Chingiz Aitmatov. At the multinational field of soviet literature Aitmatov's books became a property of the whole literature, not only Kirgiz literature. At the literary process of the 60—80-th Aitmatov's works reveal features which organically belong to many other writers of this epoch — in poetics, composition, mythology, architectonics and style. Aitmatov's novels reveal intertextual ties with masterpieces of Evgenyi Zamyatin, Michail Bulgakov, Boris Pasternak, Valentin Rasputin, Victor Astafiev, Vasiliy Belov, Yuriy Trifonov. The evolution of Aitmatov represents a movement to large scale incarnation of humanistic idea of a Personality and World. Early novels contain a sense of love as bright and strong feeling. The later works show a concern for the Present and the Future of mankind, which becomes the matter of a person's responsibility.

Key words: multinational soviet literature, subject, composition, mythology, parable, protagonist.